

Иероним Ясинский

Сон

Иероним Иеронимович Ясинский

Сон

«По Кловскому спуску – это было в Киеве – часов в пять, зимою, поднималась худая старуха. Рыжий, некогда чёрный платок, покрывал её голову и плечи; одета она была в отрёпанный салоп. Старуха шла одиноко. На месте заката расплывалась вечерняя заря широким розовым пятном, и по дороге от гор ложилась на снег синие тени...»

Иероним Ясинский

Сон

По Кловскому спуску – это было в Киеве – часов в пять, зимою, поднималась худая старуха. Рыжий, некогда чёрный платок, покрывал её голову и плечи; одета она была в отрёпанный салоп. Старуха шла одиноко. На месте заката расплывалась вечерняя заря широким розовым пятном, и по дороге от гор ложились на снег синие тени.

Старуха возвращалась с Подола, где продала старые сапоги мужа, и в кармане у неё, в крепко завязанном узелке носового платка, лежало тридцать копеек.

На эти тридцать копеек она с мужем и дочерью Настенькою встретит праздник Рождества Христова.

Тишина лежала мёртвая. Тополи тянулись двумя рядами до Печерска, неподвижные и белые от инея точно призраки. И в сизом небе загорались звёзды.

Из оврага вышел человек. Старуха испугалась, её рука невольно опустилась в карман и крепко сжала деньги. Человек сделал два шага и остановился.

От мороза захватывало дыхание, да и от страха. Глаза старухи впились в человека.

Она повернула к нему лицо. Сердце у неё билось так, что она слышала его удары.

Тридцать копеек – пустые деньги, но голодному человеку – находка.

С какой смертельной тоской подвигалась старуха! Но вот человек ступил ещё.

Яснее выделилась фигура чернобородого молодца, в меховой шапке и в хорошей шубке... Ах, грех какой! Никак знакомый?

– Никита Васильевич, вы?

– Я, голубушка Прасковья Ниловна! – отвечал человек молодым приятным басом. – С наступающим праздником вас!

– Вас также... Да что вы, батюшка, людей пугаете? – начала вдруг сердито старуха.

Никита Васильевич, мелочной торговец, по фамилии Приспелкин, подошёл ближе к Прасковье Ниловне и подал руку, низко сняв шапку. Он был родом из Москвы и любил тонкое обращение.

– Отнюдь не желал я пугать вас, голубушка Прасковья Ниловна. В добром ли вы здоровье? И в добром ли здоровье супруг ваш? И как поживает Настасья Егоровна?

В жилах старухи текла дворянская кровь. У

отца её под Кишинёвом когда-то был виногра́дник. Ей ничего не досталось, она против воли родительской обвенчалась с военным писарем, Егором Ивановичем Свистуном, впавшим теперь, по случаю старости, в безысходную бедность. Он вышел в отставку со званием кандидата на классные должности и получает от казны восемь рублей в месяц пенсии.

Она отвечала:

– Благодарствуйте. Славу Богу, живём, не жалуемся. А Настенька хорошеет. Выдадим за благородного!

Приспелкин вздохнул и погладил бороду.

Он предложил Прасковье Ниловне проводить её до их улицы. Прасковья Ниловна стала добрее. Она чувствовала, как расположен к ним этот человек. Ей иногда казалось, что она видит его насквозь, знает все его помыслы. Они шли и разговаривали о том, как неделю тому назад на этом самом месте ограбили их соседку, повивальную бабку.

Они вошли в длинную тёмную улицу, где горели керосиновые фонари, и дома были одноэтажные, покосившиеся, и всё какие-то

мрачные и безмолвные, с окнами тускло-жёлтыми, или чёрными, или красными как кровь.

– Праздник небось встречают, – сказала Прасковья Ниловна.

– Встречают, – отвечал Приспелкин. – Звёзды уж давно высыпали.

– Лавки-то не заперты?

– Я свою запер. А вам что надо?

– На пяточок сахару, да на пяточок чаю... Да вот бы ещё булочку. Да старику моему рыбки маринованной на пяточок, в трактир бы забежать. Да водочки крючок. А кутья у нас есть. Ну, пожалуй, что и Настенька что-нибудь домой принесла. Вышивала она рубашку кондитеру. Рублик даст матери. Тогда бы хорошо купить для завтрашнего дня колбаски, да ещё гусятинки старику. Очень он любит гусятинку.

– Торопитесь, голубушка, – заметил мелочной торговец и стал прощаться. – Теперь в обратный путь, – прибавил он.

– Именно куда? – спросила Прасковья Ниловна, желая быть внимательной в возмездие за его любезность.

– Да так... Родных у меня нету... Пойду на Крещатик, к знакомому, авось кручину развею, – грустно отвечал Приспелкин.

Прасковья Ниловна продолжала:

– В семейный дом?

– Нет, к такому ж как я... Не очень-то, правду сказать, и хочется.

– Так лучше к нам, на кутью! – гостеприимно воскликнула Прасковья Ниловна и прикусила язык.

Она вспомнила, что угощать нечем. И самим, наверно, не хватит! Но слово, что воробей: выпустила – не поймаешь. Приспелкин, к тому же, уже поблагодарил. Он обещал придти через полчаса. Он только зайдёт домой и приоденется. Он не хочет, чтоб гордая Настасья Егоровна осмеяла его костюм, который он носит «по купечеству». У него есть «цивильное» платье.

– Как это случилось – ума не приложу! – говорила себе Прасковья Ниловна, делая покупки.

Немного их было, когда она пришла домой. Свистуны, или как предпочитала выражаться Прасковья Ниловна, Свистуновы – жи-

ли в мезонинчике. Надо было подниматься по отвесной и узкой лесенке, в темноте. Лесенка дрожала и скрипела; у Прасковьи Ниловны от страха подсекались ноги. Она вообще боялась темноты и боялась лестниц. Наконец, дверь отворилась, и на неё пахнуло теплом. Старик хоть и был болен, но все эти дни таскал щепки и сухой бурьян. Сенцы завалены топливом. Железная печка, стоявшая в углу на четырёх кирпичах, накалилась докрасна. Пол ещё с утра чисто вымыт, и над кроватью старика, в розовом сумраке комнаты, рельефно выступала с ковра, купленного в лучшие времена, белая лошадь и странно скалила неестественной величины зубы.

– Вот, Егор, купила всего, – сказала Прасковья Ниловна и, положив свёртки на стол, стала греть руки возле печки. – А Настеньки нет?

– Не приходила, – отвечал Свистун, весело глянув на покупки.

Он лежал на кровати. Прасковья Ниловна с сердечной болью смотрела на него. Этот старик, с совиными глазами, с крючковатым носом и большими оттопыренными ушами, напоминавшими собою уши летучей мыши,

был когда-то, по её мнению, красавцем. Теперь шея у него стала тоненькая как у журавля, а живот рос, делаясь всё больше с каждым днём. Хуже всего было то, что Свистун был беспечен. В последнее время в нём развилась непонятная весёлость. Он голодал и всё-таки смеялся. И когда ему говорили, что у него водянка, он хлопал себя по животу коротенькими ручками точно по барабану и глупо улыбался.

– А табачку купила? – спросил он.

– Ещё чего захотелось?!

– Ну, и ладно. А гусятинки?

– Гусятинки! – передразнила его жена.

– Ладно. Зачем сердиться!

Он стал что-то напевать и по временам заливался тихим рассыпчатым смехом, между тем как жена возилась с самоваром и накрывала стол.

– Ой, жжёт! Ой, жжёт! – начал кричать старик.

– Что жжёт? Где?

– Под ложечкой... А теперь сосёт... да так щекотно... Ха-ха-ха-ха! Ай! Смерть как щекочет! Ха-ха-ха!

И он опять заливался. Прасковья Ниловна, накрыв убогий стол, угрюмо молчала, в ожидании дочери и гостя.

У неё был свой сундук, где хранилось, кроме тряпья, всё съестное, а у дочери – свой. Настенькин сундук, обитый жостью, замыкался двумя замками, наружным и внутренним. В этом сундуке было много добра. Там хранились новые шестирублёвые ботинки, купленные Настенькой на этой неделе. Она сказала, что в стукалку деньги выиграла. Хранилось там шёлковое перекрашенное платье. Было полдюжины рубах с кружевными «кокотками», было золотое с бирюзой кольцо, зеркальце аплике, серьги с бриллиантами. Она сказала, что серьги нашла. Были и ещё разные вещи. Старуха радовалась, что Настенька бережлива, но её обижала скупость дочери. Настенька никогда кусочка сахару ей не даст! Всё собирает; кусков двадцать и теперь в сундуке лежит. Следовало бы проучить Настеньку. Взять да поесть без неё кутью. На Настенькин рубль надежды нет, и Прасковья Ниловна выразила её только при чужом человеке, чтоб знали, какая у неё добрая дочь.

Минут через десять на лестнице послышался стук, и вошёл мелочной торговец в барашковой шубе и с корзиной. Он снял шапку, помолился на образа и поклонился хозяевам, потряхнув подрезанными чёрными волосами.

– Что это вы с корзиной? – спросила Прасковья Ниловна.

– Гусятинка! Поросёночек! Рыбка! Булочки! – закричал Свистун, поворачиваясь на брюхе как на шаре; он радостно потирал руки.

Приспелкин подошёл к Прасковье Ниловне и склонил голову.

– Не взыщите за малое приношение...

Прасковья Ниловна сжала губы и протянула ему с благодарностью руку.

Она хотела сначала отставить корзину в угол, чтоб показать, как мало они нуждаются. Но голод – не тётка. Да и любопытно было, что там такое, в самом деле. В кулёчках оказался изюм, чернослив, сахар, миндаль, орешки. И кроме предметов, перечисленных Свистуном, она достала из корзины вяленого карпа, десяток сельдей, причём дворянский нос её различил сейчас же, что сельди хорошие,

голландские, первый сорт. Наконец, блеснуло горлышко очищенной. Старуха всё, что было постного, поставила на стол, и трапеза предстояла обильная. Свистун, беседуя с Приспелкиным (который плохо слушал его, всё поглядывая на дверь, не войдёт ли Настасья Егоровна), не удержался и потихоньку стащил кусок гусятинки. Отвернувшись к стенке, он вдруг замолчал и стал жадно пожирать мясо.

Когда Прасковья Ниловна управилась, Приспелкин спросил, вытирая пот со лба пёстрым платком:

– Что ж, Настасья Егоровна?

– А который теперь час? – сказала Прасковья Ниловна.

Приспелкин вынул из бархатного в зелёных мушках жилета золотые часы.

– Скоро восемь.

Старуха нахмурилась. Приспелкин стал говорить, что, быть может, подружки задержали барышню, но проницательная старуха видела все его мысли. Торговец думает, что тут кондитер виноват. И хотя старуха думает как раз то же самое, но она защищает дочь. Бедная Настенька! Уж как она трудилась! Ночей

не досыпала, вышивая сорочку! А заплатят ли ей за труд!?

Приспелкин, играя пальцами, заметил, что Настасья Егоровна могла бы жить в довольстве, что незачем ей так убиваться над кондитерскими рубашками. И Прасковья Ниловна внутренне соглашается с этим. И Настенька, да и она ни в чём не нуждались бы, если б Приспелкин женился на Настеньке. Он – богач. Ишь какие у него часы. Но вдруг мысль, что он – мужик необразованный, смущает её... И ей, во чтобы ни стало, хочется рассеять все подозрения Приспелкина насчёт кондитера. Возможно ли, чтобы её Настенька так унизилась...

Свистун сожрал свою гусятинку, и у него опять жжёт и щекочет под ложечкой. Он лёг на спину и вытянул ноги. И он такой бледный, живот его так вздувается, так странно торчат его уши, что Прасковья Ниловна подходит к нему в ужасе и тормошит его. Он поворачивает к ней лицо и хохочет.

– Всё ладно, всё ладно! – произносит он, по обыкновению, весело.

Проходит ещё полчаса и ещё. Нельзя уж

больше ждать. Гость уныло смотрел на принесённые им закуски. Прасковья Ниловна зажгла лампадку, в комнате повеселело, и они сели за ужин.

Но, кроме Свистуна, никто не ел. Гость надулся и иногда сквозь зубы говорил: «Пора бы, кажется!» Прасковья Ниловна горела от стыда. После ужина Свистун прыгнул в постель и, тяжело дыша, положил обе руки под голову и старался заснуть, хлопая глазами. Он лежал теперь боком, и его ноги казались спичками. Это были босые ноги, с огромными мозолистыми ступнями; пальцы ног судорожно двигались.

– Пора бы! – громко произнёс Никита Васильевич в одиннадцать часов, свирепо глянул на дверь и встал.

Прасковья Ниловна была совсем унижена. С притворной улыбкой, путаясь во лжи, она стала объяснять Приспелкину, что Настенька – она теперь вспомнила только – приглашена на сочельник к генеральше Зверюгиной и, должно быть, её там оставили ночевать. В то же время она видела, что мелочной торговец этому ни на волос не верит, и уни-

жение её ещё усугубилось.

Но тут дверь распахнулась, и вошла Настенька, девушка лет семнадцати, с миловидным неправильным личиком и чёрными как у матери глазами. На ней было новое пальто, отделанное плюшем, и алая шляпка с белым пером.

– Фуй! Как оливой смердит! – вскрикнула она и с презрением посмотрела на мелочного торговца.

Новое пальто и алая шляпка поразили Прасковью Ниловну.

– Что вы так смотрите, маменька? Это мне сегодня подарили... Ах, маменька, как у нас скверно! На лесенке чуть ног не сломала! Папенька в водянке прохлаждаются. Вместо гостя – какой-то сюжет неподходящий... Хоть и в сюртуке, а мужик мужиком... Сами вы – нищая голодная, голодная... Денег у вас нет. Сыро, со стен течёт, плесенью пахнет. Не сегодня-завтра папенька умрёт, пенсию уполовинят. На что жить будем? А ведь мне хочется молодость свою чем-нибудь помянуть. Что мне замуж идти за него. Он бить меня будет. Ишь как смотрит! Нет, я полюбила душончи-

ка. У него заведение кондитерское, каждый день двадцать рублей чистой выручки. Есть с чего подарки делать. Жене не сделает, а мне сделает. Вы пощупайте только – материя какая, а платье-то какое... А часики! Да он меня как куколку в один миг одел – и башмачки, и чулочки, и подвязочки.

Она показала подвязки. Она болтала точно пьяная и задышалась от радости. Никита Васильевич угрюмо надевал шубу, и лицо его побагровело.

Прасковья Ниловна дрожала. Ей хотелось кинуться на дочь и оттащить её за волосы. Но Настенька сильнее, да и чужой человек был в доме. Она побледнела. И больше всего ужасало её, что дочь, поступив на содержание, бросит её и забудет. Она не сомневалась в этом.

Настенька продолжала:

– Скучно мне, маменька, у вас было, ах, как скучно! И наголодалась я, и холоду натерпелась! Ничему вы не выучили меня, и сами ничего не делали. Всё на что-то надеялись... Дождались! Теперь я вольная пташка!

Она поклонилась. Прасковья Ниловна закашлялась. Это был припадок ненависти к до-

чери. Она постучала кулаком по кулаку, но язык у неё точно отнялся. И она не могла встать с места.

– Я, маменька, за сундуком приехала! – сказала, наконец, дочь каким-то торжествующим тоном, показавшимся старухе особенно обидным. – Мы с вами расстаёмся! Мне жить тут больше нечего!..

У Прасковьи Ниловны брызнули слёзы. Она в отчаянии протянула к дочери руки. Но в это время Приспелкин, уходя, так страшно хлопнул дверью, что весь мезонинчик затрясся и в комнате стало темно.

...От шума и от душевного волнения Прасковья Ниловна проснулась. Она проснулась в своей богатой пуховой постели, покрытая атласным стёганым одеялом. В спальне было светло, слышался праздничный трезвон колоколов. Сон был такой «натуральный», что Прасковья Ниловна не сразу поверила окружающей её действительности. Наконец, она убедилась. Ей столько же лет как той Прасковье Ниловне, но она ещё не старуха. Она не высохла от голодной жизни. Напротив, у неё довольно полная грудь. Она ещё belle-femme [

прекрасная женщина – фр .]. И её чёрные глаза не без огня, когда она смотрит на молодых людей. Она вспомнила о муже. Действительно, его фамилия – Свистун. Но этот Свистун – статский советник и получает пять тысяч жалованья на одной службе, семь – на другой, четыре – на третьей. У него три дома. Он, правда, шарообразен, но не от водянки, а от того, что много ест. Наконец, дочь их Настенька, премилая девушка, окончившая недавно институт, любит брильянты и любит одеваться, но она выходит замуж, и она невинна как голубь...

Кондитер... Какой-то Приспелкин... старые сапоги... чердак... И приснится же такое!!

Она в негодовании на себя повернулась на другой бок и хотела ещё заснуть. Но не могла. Её всё что-то беспокоило.

Наконец, через полчаса она протянула руку к ночному столику, взяла колокольчик и позвонила.

– Послушай, Катя, – сказала она вошедшей девушке, – вот тебе ключ, достань из комода кошелёк.

Горничная достала.

Барыня велела подать затем конверт и, положив в него 25-рублёвую бумажку, запечатала.

– Отнеси это сейчас нашим жильцам, что во флигеле на чердаке... Они голодают и за квартиру не платят. Мне они сегодня всю ночь снились, – прибавила она с раздражением. – Да не говори от кого!

И когда горничная ушла, она потянулась и подумала: «Во всяком случае, это меня не разорит».

Апрель 1883 г.